

Ты же ведьма!

Автор:

Надежда Мамаева

Ты же ведьма!

Надежда Николаевна Мамаева

Светлые и тёмные #4

Если в некий тихий городок, населенный исключительно светлыми, приехала черная ведьма, то еще неизвестно, кто в итоге будет гореть на костре: досточтимые горожане все скопом или одна дочь мрака. Потому что Магда Фокс из тех темных магов, которых даже некромантам рекомендуется обходить по широкой дуге. И лишь самый отчаянный псих, в смысле чернокнижник, рискнет узнать ее тайны. И тем взбесить первую и единственную хеллвильскую ведьму. Очень скоро ему придется испытать коварство изощренных благословений, которые дадут фору любому проклятию. А все потому, что у Магды имеется маленький недостаток – светлый дар. Вот только и чернокнижие знает толк в мести. Так что это война. Однозначно. Но интересно, кто же победит: темные или светлые?

Надежда Мамаева

Ты же ведьма!

Пролог

Год 1330-й от пришествия драконов

– Слышь, Меч Властелина, – деловито заговорила белка, распушив свой хвост, – а вот скажи, кто больше на дворцовой службе получает: некромант или чернокнижник?

– Люлей, денег или тюремного срока? – устало уточнил маг, откинув голову на спинку кресла.

Белка... Эйта, Дарящая Безумие... Нет, он, конечно, слышал про нее, но никогда не думал, что придется увидеть воочию. И не только увидеть, но и услышать. И разговаривать. Из ночи в ночь, из ночи в ночь, опасно балансируя на краю разума. Вот и сегодняшняя беседа продолжалась уже не один удар колокола, почти с полуночи. Близился рассвет. Но просить рыжую исчезнуть было бесполезно. Пробовал. По-разному. И даже если эта самая просьба была подкреплена по всем правилам дипломатии: то бишь арбалетным болтом с серебряным наконечником. Результат был нулевым.

Эйта приходила каждый день, точнее, ночь, чтобы свести с ума того, кто еще несколько седмиц назад был Карающим Мечом, хранителем жизни императора. Тем, чьей тени боялись не только во дворце, но и во всей империи.

Именно был, служил. И по долгу службы принял на себя проклятие, уготованное его господину. Ныне оно в обличье рыжей белки точило, как ржа железо, разум Эрриана. Эти разговоры о ерунде изматывали мага.

– А бывает, что всего и сразу? – продолжала допытываться белка.

– Может, и бывает... – пожал плечами маг, глянув в темень за окном. – Но я на своем веку такого не припомню.

– Не припомнит он, – пробурчала белка. – Да и какой там «век»?! Ты еще жизни-то не нюхал.

Маг усмехнулся. Жизни не нюхал. Говорить это тому, чья голова поседела вовсе не от возраста. Тому, кто за свои десять лет службы предотвратил больше сотни покушений, участвовал в раскрытии нескольких заговоров, подавил три восстания. Вот наглое создание!

– И не щурься на меня презрительно, – фыркнула белка. – Тебе сколько? Чуть больше тридцати? А еще не женат. Тещи на тебя нет! И кучи детей в придачу! И выплат по закладной за дом! Вот имел бы жену, два ведра мелких отпрысков и долги – мигом бы с ума сошел. Как миленький! С радостью бы побежал. А то сидит тут, ухмыляется, весь график мне сбивает!

Рыжая встала на задние лапы, воинственно распушив хвост, уперла передние в бока и скомандовала:

– А ну, быстро проваливайся в шизофрению! Кому сказала?!

– Я проваливался только в Бездну. Кстати, не хочешь туда со мной? – Эрриан изогнул бровь.

Нелюбовь белки к Мраку он заметил недавно и теперь беззастенчиво топтался по ее больной мозоли.

– Нет уж, спасибо, – насупилась Эйта.

– И чем, позволь узнать, тебе не по нраву Бездна? – спросил маг. – Там хорошо, темно.

– Там демоны, – нехотя буркнула белка.

– Дарящая Безумие испугалась сынов Мрака?

– Сынов я не боюсь, некоторые из них даже вполне симпатичные, но вот с одной дочерью... Глаза бы эту белую и ушастую вовек не видели. Зар-р-раза! Увела у меня из-под носа такого шикарного мужика...

– Клиента? – заинтересовался Эрриан.

– Любо-о-овь, – печально простонала Эйта, а потом, вспомнив о своих прямых обязанностях, добавила: – Ну как, готов сойти с ума и не портить мне статистику?

– Нет, – улыбнулся ей маг.

– Да чтоб тебя архи сожрали, – в сердцах пожелала белка и растворилась в предрассветной дымке.

– Джером! – чуть громче произнес темный. – Можешь заходить. Она ушла.

Тот, кто стоял за дверью, услышал. Скрипнули петли, и в комнате появился надзиратель Эрриана, которому был отдан приказ убить бывшего преданного слугу императора, едва тот проявит первые признаки безумия. Такова была последняя милость владыки своему Мечу: позволить уйти по дороге вечного сна в твердой памяти.

Маг опустил руки на подлокотники кресла. Браслеты, запиравшие дар, звякнули заклепками. Он устал. За четыре седмицы он устал каждую ночь сопротивляться своему безумию.

– Эрриан, – Джером был серьезен, – твой дух силен. Но здесь, в столице, его легче сломить.

– Это приказ его темнейшества? – Маг внимательно посмотрел в бесстрастное лицо пожирателя душ, который был лет на десять старше его.

Сейчас, когда дар Эрриана был запечатан, Джером легко мог его убить.

– Пожелание. – Надзиратель чуть прикрыл глаза.

– Что же, пожелание императора – закон для его слуги.

– Его темнейшество снял с тебя клятву. Ты больше не принадлежишь ему душой и телом. Император лишь просит тебя почить от дел вдали от столицы и дарует земли, где отдых будет приятен и тих. Это удел Гейзлорру.

– Он рядом с Бездной? – уточнил Эрриан.

– Нет, рядом со Светлыми землями.

– Еще хуже! – фыркнул маг.

Глава 1

Я горела на костре. Пламя бодро облизывало мои ноги, жители городка так же бодро скандировали «Сжечь ведьму!», храмовник умильно смахивал слезу: в этом году он таки выполнил свой план по ведьмам, который до моего приезда в провинциальный Хеллвиль горел почище дров под моими подошвами.

В общем, все в лучших традициях инквизиции. Кроме одного: я была светлой магиней. И пылала на бис уже третий раз за месяц!

Для первого сожжения меня в храмовых документах оформили как «одержимую демонами», для второго – как «проповедницу чернокнижного учения». И вот теперь жгли как ведьму. К слову, служитель богов заплатил мне за каждое из показательных выступлений по золотому. Неплохая прибавка к жалованью штатной магессы Хеллвиля! Да что там прибавка, я бы сказала – основной доход! Ибо ковен^[1 - Объединение чародеев, во главе которого двенадцать сильнейших архимагов.] платил мне четверть сребрушки в месяц – ровно столько, чтобы сосланный сюда по распределению молодой маг не протянул ноги, а вот сбежать, купив место в дилижансе, не мог. Да-да. Хеллвиль – такая дикая глушь, куда не добирались не только летные лодки, но даже драконы. Приграничье, скованное первой поземкой. Темные дремучие места, в которых обитали светлые.

Здесь народ считал, что любую болезнь можно излечить молитвой. А если она не помогала, то настойкой. Причем не важно, что именно настаивать: корешки, ягоды, листья... Главное, чтобы не на собственном мнении, а на перваче. И чем тот ядренее, тем лекарство целебнее. А чем больше его доза, тем быстрее пройдет хворь. Местная хворь, к слову, была всего двух видов: телесная и душевная. Горожане страдали преимущественно от второй.

Из развлечений в городке имелась пара кабаков, куча сплетниц, проповеди храмовника каждую седмицу. Ну и, конечно, гвоздь программы – сожжение ведьмы! В общем, жизнь текла тихо, мирно, чинно и благородно.

Отрабатывая гонорар, я экзальтированно крикнула, что доберусь еще до горожан в целом и до отца Панфия в частности. Толпа ответила с энтузиазмом. Святой отец жутко обрадовался моему заявлению: у него в разрядке значилось еще одно «изгнание темных сил».

Все было выверено до вдоха. Вот сейчас он поднимет ладони к небу, размахивая рукавами своей парадной хламиды, и отвлечет толпу, я тут же брошу в огонь под ногами тертый порошок шкуры саламандры. Столб пламени взвьется ввысь на дюжину локтей, народ дружно ахнет, а я под прикрытием дымовой завесы вскочу на метлу. Маскирующий амулет, ловкость рук, желание жить и разбогатеть на целый золотой – и даже применения собственного дара не нужно. Светлого целительского дара, который, кстати, у меня почти исчез: осталась лишь искра, едва-едва тянущая на слабенькую единицу.

С таким даже рану не заживить. Разве что небольшой порез. Ну или занозу вытащить. Предел моих магически-целительских возможностей – остановить кровь из носа. Все. Но зато я отлично умела варить алхимические зелья, делать вытяжки, накладывать повязки. Прекрасно знала анатомию всех семи рас. Даже демонов! Правда, мужскую. С демоницами получился небольшой пробел.

А что? Кого во Мраке сумели отловить выпускники боевого факультета, строение того и изучали. Хотя спустя две седмицы усиленного лечения тот подопыт... – прошу прощения, – пациент с колотой раной на бедре сбежал обратно в Бездну. Даже без портков. Но у адептов целительского факультета осталось то, чего не отнять: знания. В том числе и лингвистические. Демон ругался знатно: забористо и с вдохновением.

Между тем пока Панфий задирает вверх руки согласно отработанному сценарию, над площадью раскатом грома прогрехотал низкий суровый голос:

– Что здесь происходит?

Два всадника на породистых скакунах стояли позади толпы. Оба в темных плащах, один – смуглый, с черными как смола волосами, второй... Второй производил странное впечатление. Совершенно белые, словно снег под луной, волосы, молодое лицо и пронзительный взгляд. Вроде бы он и не кричал, но страшно стало всем.

Даже дворовому псу, который до этого момента радостно носился вокруг костра. Он испуганно присел на хвост и по-щенячьи описался. Отец Панфий, увы, такого позволить себе не мог. Хотя по глазам было видно, что хотел.

– Мы очищаем славный Хеллвиль от скверны, мессир, – не очень уверенно ответил он, убирая руки за спину и делая шаг назад.

Меня это отступление от сценария совершенно не устраивало. Я, демоны подери, вся горела. И не от страсти. Умирать молодой не хотелось. Молодой и без полученного за работу золотого – не хотелось вдвойне. Посему я решительно крикнула:

– Уважаемый! Езжайте, куда ехали, и не мешайте аутодафе!

Замерли все. И досточтимые горожане, и двое пришлых, и храмовник. Впрочем, последний опомнился быстро. Он снова взмахнул руками, готовясь прочесть псалом о низвержении исчадий Бездны обратно во Мрак. Пресвятому обычно отлично удавалась эта декламация. Особенно выразительным и зычным его голос становился на седьмой и двенадцатой строфах, где речь шла о прелюбодеянии и отпущении грехов. Но, увы, его опять перебил тот... лунный.

– Как представитель исчадий Тьмы, я протестую! – угрожающе произнес он.

– Протестуйте в другом месте! – вскипела я.

Подол юбки уже тлел, еще немного – и ткань вспыхнет пламенем, а они тут дебаты устроили.

– Вот-вот! – поддержал меня кто-то из толпы.

– Проваливай! – донеслось сразу с нескольких сторон.

– Поймай свою ведьму и казни ее как хочешь! А на нашу не зарься! – пророкотало над головами, легко перекрывая шум на площади.

Бас госпожи Йонфер был знатным. Она наверняка могла бы им подковы гнуть, если бы захотела. Она же хотела цветов и романтики, поскольку натуру имела

нежную, ранимую и трепетную, несмотря на внешнюю мощь и габариты, с которыми проходила не во всякую дверь. Госпожа Йонфер носила изящные шляпки, что сидели чуть косо на ее голове, всегда стояла в первых рядах у моего костра и трогательно рыдала своим знаменитым басом на седьмой и двенадцатой строфах псалма.

– Никого ловить и поджигать в СВОИХ землях я не собираюсь, – отчеканил лунный, дернул поводья загарцевавшего коня, и тот встал на дыбы.

В своих землях?! Повисла тишина. Нехорошая такая. В подобные моменты говорят: сдох темный. Но вот конкретно сейчас могла запросто помереть одна светлая.

– Давайте сначала меня до конца сожжем, а потом будете упражняться в топографии, мать ее, дипломатии и богословии! – взмолилась я, пассом активируя свою метелку, которая лежала в полной полетной готовности на крыше ратуши. – Отец Панфий, начинайте же! Я очень хочу очиститься от грехов. Прямо мочи нет, как хочу!

– О исчадие Тьмы! – воодушевленно взвыл храмовник.

Толпа, которую едва не лишили главного зрелища, радостно вторила ему. Хламида отца Панфия развевалась под порывами стылого ветра. Горожане, кутаясь в платки и кожухи, замерли, ожидая чуда. Все прекрасно знали, что сейчас полыхнет пламя Бездны и пожрет свою дочь. А через седмицу можно будет как ни в чем не бывало снова постучаться в дверь дома спаленной недавно ведьмы, обнаружить ее в целостности и сохранности и попросить проклятия для стервы-соседки или согревающей настойки от простуды, или порошка бычьего корня для мужской силы.

Все собравшиеся этим промозглым утром на исходе осени знали сей ритуал. Только пришлые – нет. И все испортили.

– Джером, – бросил пепельно-лунный паразит своему смуглому спутнику.

Тот кивнул, и с его руки сорвался ледяной водоворот.

Ледяной, мать твою! Это в такую-то холодрыгу! Нет, конечно, пока я поджаривалась у столба, то не ощущала всех прелестей последних дней месяца санного первопутка. Но сейчас...

Под подошвами рассерженными змеями зашипели угли потухшего костра. Я вымокла вся. От рыжей макушки до ботинок, в которых захлюпала вода. Волосы сосульками свисали до пояса, ткань черного платья прилипла к телу так, что я чувствовала не то что порывы ветра, а даже насморк и сиплое дыхание зрителей из первого ряда.

Над площадью повисла тишина. И в той звенящей тишине я чихнула. Оглушительно. Так, что с ветки ближайшего дерева с криком взметнулись вороны и рванули в небесную высь. Правда, не все. Одна то ли глубоко задумалась, то ли была глуховата, то ли просто задремала. В общем, освобожденная ее товарками ветка спружинила, и ворона свалилась клювом вниз. Знатно припечатавшись о схваченную первыми морозами землю, она вдруг пришла в себя и с карканьем, в котором мне отчетливо слышалось «кар-р-раул», тоже сиганула к тучам, что были готовы вот-вот разрешиться от снежного бремени.

Посадочно-взлетное безобразие происходило все в том же молчании. За вороной наблюдали и досточтимые жители Хеллвиля, и дуэт совсем недосточтимых приезжих, и я, недожженная ведьма. В носу вновь зачесалось, я еще раз чихнула. Ну да, была у меня такая особенность: я не умела делать это тихо.

Вот некоторые благородные лэриссы могли. Они и чихали, как мышки, ели, как птички, и спали, как... Да и в целом в правильной позе спали, не пинаясь и не сопя. словно трупы в склепе. Может, набор малозвучных качеств шел в обязательном комплекте к статусу лэриссы? Или выдавался им при рождении вместе с золотой ложечкой? Увы, этого мне никогда не узнать, потому что во мне не текло ни капли голубой крови.

Я была дочерью целителя со скромным магическим даром, простого горожанина без титулов и наград, некогда выпускника Академии имени Кейгу Золотое Крыло, а ныне лекаря в Вейхоне – городе на севере империи. Моя матушка и вовсе родилась в семье скорняка. Зато у нее имелся дар, который, на мой взгляд, ничуть не уступал магическому: она умела торговаться. И делала это так вдохновенно и талантливо, что ни разу ничего не купила за полную цену. Даже когда темный торговец однажды приставил нож к ее горлу, все равно матушка

торговалась. Шепотом, но торговалась и выбила-таки скидку на тот амулет.

Увы, ее дар мне не передался в полной мере в отличие от магии отца. Той было с лихвой. Все пять лет учебы в Северной Вейхонской академии магии я не жаловалась на свои восемь единиц дара. Вот только перед практикой вышла незадача...

– А теперь объясните мне, храмовник... – Голос лунного типа разорвал гнетущую тишину. – В чем виновна эта ведьма?

Отец Панфий замялся. Потом смутился. И наверняка бы покраснел, если бы уже не был синим: ему рикошетом досталось от «ледяного водоворота».

– Она... Она... – выдал он спустя несколько мгновений, – ...греховный сосуд!

Да уж. Сомнительный аргумент, чтобы сжигать кого ни попадя. Мало ли кто какой сосуд. Даже в самом Панфии сейчас булькала минимум пинта вина со специями: попробуй в такую холодрыгу очищать души от скверны без подогрева.

Судя по выражению лица лунного, для него греховная сосудистость тоже не была веской причиной для казни. И он явно настроился на долгий и обстоятельный допрос.

Все ясно. Догореть мне сегодня все-таки не удастся. Принесли же демоны лунного со смуглым не вовремя! Эх, плакал мой золотой: рачительный храмовник если и заплатит, то половину. Стало быть, незачем мне тут стоять и клацать зубами! Высвободив руки из почти незатянутой на запястьях веревки (Панфий только для вида накинул), я отлепилась от столба. Сошествие ведьмы с костра на землю получилось впечатляюще злым и хлюпающим.

– Господа, вы тут разбирайтесь в моих преступлениях и наказаниях, а я пока пойду в трактир тетушки Брас. Погреюсь. Не цветень месяц на дворе, так и заболеть недолго. А с простудой на костер не полезу, – заявила я, зябко обхватив себя руками за плечи. – Даже не просите.

И в подтверждение своих слов оглушительно чихнула. Опять.

– А кого тогда сжигать будут, если ведьма уйдет? – подергал мать за подол мальчишка лет пяти.

Толпа загудела. Похоже, этот вопрос волновал не только его, но и большинство зрителей, пришедших на представ... – прошу прощения, – горожан, требующих покарать исчадие Тьмы.

– Можете вот их сжечь, – разрешила я, мстительно мотнув головой в сторону двух всадников. – Гореть они будут ничуть не хуже!

Отец Панфий, увы, не проникся выгодами сего предложения. Может, потому, что это были настоящие маги. Далеко не слабые. Смуглый точно имел немалый дар: чтобы так окатить «ледяным водоворотом», нужно минимум единиц шесть силы.

Я развернулась и, оставив гомонящую толпу за спиной, направилась к трактиру, что стоял на другом конце площади. Его вывеска маячила как раз за спинами всадников, к которым я приближалась. Но добраться до вожака тепла печи, горячего сбитня и запаха подкисшего пива мне не дали. Вернее, не дала. Одна наглая белка. Она вынырнула откуда-то сбоку, словно ошпаренная проскакала мимо меня по брусчатке и остановилась посреди площади аккурат перед копытами скакуна беловолосого мага. Развернулась оскаленной мордой к толпе, встала на задние лапы и, раскинув передние в стороны, воинственно пропищала:

– Это мой клиент! И не смей его сжигать, четвертовать и вообще убивать, пока он не сойдет с ума!

Забавная рыжая. Слегка бешеная, но все равно забавная.

– И тебе привет, Эйта, – усмехнулась я.

Белка удивленно всмотрелась в мое лицо. Сначала у нее дернулся хвост, затем глаз, а потом она и вовсе непроизвольно попятилась, недоверчиво протянув:

– Магда?

– Узнала! – радостно ахнула я.

И даже руки для объятий распахнула, но в последний момент вспомнила, что я, вообще-то, замерзла, и... запахнула обратно.

- Да как же не узнать свой самый грандиозный провал! - в сердцах воскликнула рыжая.

- Ну-у-у... Не переживай ты так, Эй, - подбодрила я свою несостоявшуюся шизофрению. - Самый грандиозный провал у тебя еще впереди!

- Типун тебе на язык! - сплюнула рыжая.

Я почувствовала, как на кончике рабочего органа всех сплетниц начинается что-то назревать. Вот ведь... Ничего-ничего, в долгу не останусь!

- И у тебя чтобы все было здоровым: и холера, и блохи... - благословила я.

Последнее слово выговорила уже с трудом, но выговорила!

Белка тут же зачесалась.

- А я и забыла, какая ты ведьма, хоть и светлая!

- Фклероз! - удовлетворенно выдала я. - Хоть ты и ры...

Меня перебил пришлый: все тот же лунный, который испортил мое аутодафе, не дав договорить.

- Ты ее видишь? - удивился он, обращаясь ко мне.

- И вифу, и слыфу, - ворочая языком все медленнее, ответила я. - Даве пузо пофекотать могу!

И под протестующий визг белки тут же схватила ее под пушистое брюшко. Говорить с типунном на языке было тяжеловато, но я не могла отказать себе в удовольствии посмотреть, как изумленно вытягивается лицо лунного.

Я подмигнула ему, как ни в чем не бывало развернулась и с белкой в руке пошла к трактиру, на пороге которого стояла тетушка Брас. Она была очень практичной и никогда не закрывала свое заведение ради того, чтобы поглазеть на сожжение ведьмы. Ей и с крыльца было все неплохо видно. К тому же сразу после зрелища горожане начинали расходиться, и многие заглядывали сюда. Выпить кружечку-другую сбитня. А упускать клиентов тетушка Брас не любила.

Вот только она никак не ожидала, что этой самой клиенткой окажется насквозь мокрая, слегка подкопченная, но так и не догоревшая ведьма.

– Фего-нибудь погоряфее... – озвучила я заказ, поднимаясь по ступеням.

– На плиту ведьму, – хихикнула Эйта, пользуясь тем, что, кроме меня, ее никто из простых смертных не видит и не слышит. – Голой жо...

Я сжала пальцы. Рыжая пискнула и закашлялась, пряча смех.

Хозяйка, потерявшая дар речи, лишь кивнула и скрылась в глубине трактира. А спустя четверть удара колокола я наблюдала, куда зашли переговоры двух всадников и толпы досточтимых жителей Хеллвиля. За окном ветер проносил охапки жухлой листвы, пролетали первые льдистые, колкие хлопья снега и вопящие горожане. Отец Панфий пролетел аж два раза. Немудрено. Если попадешь в магический смерч, то не только два, но и все двадцать два круга нарежешь.

– Видимо, что-то в их беседе пошло не так, – задумчиво прокомментировала я.

Типуна на моем языке уже не было, как и блох на белке: две умные женщины всегда смогут договориться, если перед тем не убьют друг друга.

– Мой нынешний клиент – отличный дипломат, – фыркнула белка, копошась в хвосте и выискивая там сор.

– Я поняла это еще тогда, когда храмовник первый раз заорал: «Помогите!», а градоначальник повис на шпиле ратуши, – насмешливо парировала я, отхлебнув еще сбитня, и перешла к главному: – Значит, ты тут по работе?

- Ну да, мне надо свести с ума Эрриана.

- И сколько он уже продержался? День? Два?

- Чуть больше месяца, - печально отозвалась рыжая.

- Ого, крепкий орешек, - присвистнула я.

В этот миг за окном, оседлав столб, на котором я так и не сгорела, с воплем пролетел главный дознаватель нашего городка в своем форменном мундире.

- Все равно я его расколю. - Белка ударила лапой по столешнице.

- Расколешь, расколешь. Твой клиент уже начал проваливаться в безумие, - подбодрила я. Подперла подбородок кулаком и пояснила: - Он заявил, что хозяин этих земель. Но здесь же Светлые земли.

- Если бы... Официально Хеллвиль - территория темных, - вздохнула Эйта.

Она отпустила свой хвост и с интересом принялась к тарелке с орехами. Те были обжарены до золотистого цвета, кое-где аппетитно коричневые, с маслянистыми бочками.

- Тогда какого демона градоначальник подал запрос в светлую академию, чтобы ему прислали целителя? - возмутилась я.

- К слову, о Свете и Тьме: ты-то почему в облике темной тут сидишь? - ухмыльнулась белка.

- Долгая история. - Я махнула рукой. - Давай сначала ты: что это еще за арх с землями, которые на всех картах империи отмечены как владения светлых.

- Может, на картах твоей империи они и отмечены как владения светлых, - передразнила рыжая, - но поверь мне, что эти верховые топи темные считают вполне своими.

Она таки цапнула самый пузатый и жирный орех.

- Не стоит, - предупредила я.

Но было поздно. Послышался скрежет металла о камень. Мне показалось, что посыпались искры. А потом я поняла: нет, не показалось. Потому что из пасти Эйты сверкнуло еще раз. Следом раздался звук праздничной трапезы дикого дракона - тот самый момент, когда ящер жрет рыцаря в полном доспехе.

Белка задумчиво похрумкала, а потом внезапно скривилась и выплюнула все на стол.

- Ты что ж меня не предупредила, что они прогорклые? - возмущенно завопила она, отфыркиваясь и пытаясь очистить язык передними лапами.

- То есть то, что они по мягкости как наковальня, тебя не смутило? Кстати, я предупредила, - невозмутимо возразила я.

- Ты просто сказала «не стоит»... - буркнула Эйта. - А надо было... - Она резко развела лапы в стороны, словно пыталась разорвать ткань мироздания и выпустить демонов из Мрака. И яростно заверещала: - НЕ СТОИТ!!!

- Буду знать. - Я отхлебнула сбитня, который уже начал остывать.

В зал выглянула хозяйка трактира.

- Госпожа ведьма, вы меня звали? - спросила она. - А то я была в подполе и что-то услышала.

- Нет. - Я замотала головой. - Я тут сама с собой беседую.

- А-а-а... - тоном «я ничего не поняла, но сделаю вид, что в курсе» протянула хозяйка трактира. Она была тугой на ухо и крепкой на луженую глотку: ее крик с площади был порою слышен на окраине Хеллвила. - Значит, показалось. Вы, если че, зовите. Только погромче.

Едва госпожа Брас ушла, как белка сердито прошипела, тыча лапой в сторону миски с орехами:

– Слушай, она ими что, клиентов травит, а потом обчищает их карманы? Или заряжает ими пращу? Или просто эта бабища в сговоре с цирюльником? Клиенты ломают у нее зубы и идут выдирать их прямиком к нему. Нет, мне просто интересно!

– Ни первое, ни второе, ни третье, – усмехнулась я. И протянула, копируя тон хозяйки трактира: – Это кам-мер-цу-я!

Даже палец, как госпожа Брас, вверх подняла.

Глядя в изумленные глаза рыжей, которая впервые за свою долгую жизнь столкнулась с таким видом привлечения клиентов, я пояснила, что орехи, по заверениям старожилов, стояли здесь годами. И завсегда и их никогда не трогали.

Я как-то спросила у госпожи Брас: зачем это? Она ответила: для антуражу и кам-мер-цу-и. Дескать, зайдет путник... А тут и столы чистые, и пол отскобленный, и тепло, и даже вон на столе дармовые орешки стоят. Заходи и бери. Только если насыпать вкусные и хрустящие – в миске они скоро закончатся. Лещины не напасешься. Вот и жарила трактирщица их на прогорклом козьем масле. Зато такие стояли долго. Для приезжего – завлекательно. А местные... Они же свои, уже знают и не трогают.

– М-да. – Белка почесала лапой затылок.

– Так что там с землями? – спросила я.

Правда уже не столь азартно, как в первый раз: в тепле я согрелась, подсохла и слегка разомлела.

– А что с ними? Примерно то же самое, что и с орешками... – огорошила Эйта. – Только масштаб побольше.

– Это как? – Я отодвинула пустую кружку и подалась вперед.

– А вот так. На них светлые поглядывали, да зубы обломали. В смысле армию потеряли. – И, копируя мой тон, добавила: – Долго рассказывать.

Я выжидающе вскинула бровь. Белка оценила мое выразительное молчание и сдалась:

– Так уж и быть, в двух словах... – И рассказала. А завершив краткий экскурс в историю топей, добавила: – Джером скоро закончит развлекаться. Вон горожане за окном низко летать стали. Как думаешь – это к дождю или снегу?

– Скорее, к нашему побегу, – хмыкнула я, прикидывая: удрать через заднюю дверь или как истинная темная ведьма выйти через парадное крыльцо.

Логика советовала первое, наглость – второе. Но если спущусь с крыльца, то наверняка нос к носу столкнусь со слегка злыми пришлыми. Видимо, последнее произнесла вслух, потому как белка оживилась:

– Магда, кстати, о моем клиенте... Я же с ним бьюсь незнамо сколько, хотя на этом темном проклятие, между прочим, из черных, высокоуровневых. Если задание не выполню – начальство шкуру сдерет и на воротник пустит. Может, ты по старой дружбе поможешь мне, а?

– Дружбе? – иронично уточнила я.

– Ну что ты к словам цепляешься, – фыркнула белка, отхлебнув остывшего сбитня из моей кружки. – Хорошо... По старой вражде, может, поможешь, а? Ты же меня едва с ума не свела. А это, я тебе скажу, высший пилотаж. Так поможешь?

Я задумчиво глянула на приезжих за окном, на стылую осень, припомнила, как они мне только что сорвали «выступление», и уже хотела было ответить «нет», но рыжая хитро прищурилась:

– Ты ведь хочешь отомстить тому, из-за кого твой брат едва не лишился жизни, а ты почти напрочь выжгла дар?

Эйта умела искушать. Что в реальности, что в своих лабиринтах безумия.

– Так вот. Я помогаю тебе, ты – мне. К тому же этот темный, – она кивнула на мага за окном, – все равно проклят. Если он не сойдет с ума за две оставшиеся седмицы, то за него возьмется уже Смерть, а я упусти свою премию.

Предложение было заманчивым. Весьма. Отомстить Корнуоллу хотелось. Очень. Но до сына главы департамента торговли было непросто добраться. Отец позаботился о безопасности своего отпрыска. А о своей вседозволенности Корнуолл позаботился сам.

– Соглашайся, ты же ничего не потеряешь, – соблазняла меня белка.

– В последний раз, когда ты так говорила, я едва не лишилась рассудка, – напомнила я.

– Но не лишилась же! А сейчас я клянусь, что если ты поможешь мне свести с ума моего клиента, то я заберу разум у Корнуолла. Заметь, просто так это сделаю! Без наведения проклятий, порчи и вообще колдовства. Тебя в безумии богатенького оболтуса никто обвинить не сможет даже при всем желании...

Моя затаившаяся ненависть после уговоров рыжей ярко вспыхнула.

– Хорошо, – согласилась я и протянула руку. – Но я только помогаю. Две седмицы.

– Договорились. – Белка энергично пожала мой палец. – Ух, вместе мы его мигом!

Входная дверь хлопнула, и в трактир шагнул лунный. Белка моментально растворилась в воздухе, оставив меня наедине с моей новой «работой». Злющей, надо сказать, работой. Мечущей из глаз молнии.

Я поднялась со стула и чуть пошатнулась: сбитень госпожи Брас был коварен. Лунный подошел к столу, на который я невольно оперлась, и навис надо мной:

– Как давно ты видишь Эйту? И почему так вольно с ней обращаешься? О чем вы с ней говорили?

Он оказался высоким, гораздо выше меня. Зараза. Мне даже пришлось чуть запрокинуть голову, иначе ответ прозвучал бы как раз в ворот его рубахи.

– Как много вопросов... – протянула я, изучая лицо незнакомца.

Скулы... Острые, четко очерченные, словно высеченные из камня резцом скульптора. Прямой нос, хищный разлет бровей. Внимательный колкий взгляд темно-синих глаз. Почти бескровные обветренные губы. Чуть тронутая загаром кожа, а на ней – следы от шрамов, которые нецелителю были и вовсе не видны. Но эти отметины без слов говорили, что передо мной воин. Судя по всему, опытный, раз побывал в таких передрягах – и еще живой.

Взгляд скользнул ниже. Поджарое, тренированное тело, в котором чувствовалась скрытая мощь.

– И я жду на них ответы!

Меня бесцеремонно схватили за подбородок, заставив запрокинуть голову и вновь взглянуть в лицо лунному. На этот раз глаза в глаза.

– Знаете, с таким подходом можно дожидаться не ответов, а минимум проклятия, – прошипела я.

– А максимум? – жестко, намеренно провоцируя, осведомился лунный.

«Сдохнуть», – уже было готово сорваться с моего языка, но я вспомнила о словах Эйты. Передо мной стоял действительно законный хозяин этих земель.

Конечно, рыжая зараза частенько врала, но что-то подсказывало – не в данном случае. А посему дерзить владельцу Хеллвиля явно не стоит. И так уже наговорила на свою голову, пока была привязанной к столбу. Незачем усугублять.

Впрочем, если я обзаведусь мечом, арбалетом, парой убийственных амулетов и ломом (ломом – особенно), то смогу позволить себе говорить все, что думаю. Пока же из оружия у меня имелся лишь острый язык и отвратительное чувство юмора. А ими хорошо воевать только тогда, когда за плечами есть моральная

поддержка в виде закона, армии или солидного счета в гномьем банке... Но увы, это было не про меня, Магду Фокс.

– Максимум? – переспросила я и чуть прищурилась, словно оценивая противника. Темный маг был невозмутим, как профессиональный зомби. Чем знатно бесил. – Благословения.

Каменная маска онийского спокойствия дала трещину: у лунного дернулась щека. Ну да, чернокнижника проклятием не проймешь, а вот добрословием...

– Чтобы черная ведьма и благословляла? – Сквозь сталь его голоса прорезалось удивление.

– А почему нет? – Я пожала плечами, хотя про себя выругалась: прокололась. Это местные темную ведьму от светлой магессы отличали лишь по цвету платья, а с лунным следовало быть поосторожнее. Попыталась обратить все в шутку. – Я, может, пассивно-агрессивная ведьма.

– Это как? – заинтересовался маг. Даже хватка пальцев на подбородке ослабла.

– Я не проклинаяю свою жертву в открытую, а благословляю ее окружение.

– Чтобы оно не так сильно окружало несчастного? – У лунного в глазах демоны начали плясать джигу, хотя морда при этом оставалась каменно-невозмутимой.

Но я печенкой чуяла: он все же поверил шутке. Или очень талантливо сделал вид, что поверил.

– Напротив, чтобы радовало его своими успехами... – Я резко повернула голову, высвободив свой подбородок.

Лунный медленно опустил руку. Его взгляд прошелся по моему лицу, шее, скользнул на ряд частых пуговиц еще не совсем обсохшего черного платья.

– Наглая, коварная... Что такая ведьма забыла в этой дыре? Подруге Эйты скорее подошла бы шумная и амбициозная столица.

Слова были сказаны мягко, но за ними чувствовалась твердость и настойчивость. Точнее, упертость. Вот ведь... темный! Не получил ответа на свой вопрос о нашей с белкой «дружбе» силой и напором, решил взять измором, зайдя с другой стороны.

– Но и вы с другом прибыли не из соседней деревни. На вас хоть и простые дорожные плащи, но обувь тачали точно по ноге. А сапожник был мастером своего дела. Такой не возьмет за работу медьку. Скорее пару золотых. Я уж молчу об оружии.

– Еще внимательна и умна. Кажется, я не с того начал, – задумчиво протянул он.

– Определенно, – согласилась я, прикидывая, как бы обойти этот лунный столб. Разговор уже изрядно затянулся.

– Как тебя зовут, ведьма? – неожиданно спросил он, резко сменив тему разговора.

Наверное, именно поэтому я послушно ответила:

– Магда.

– Значит, Маг, – прищурился он. – Ты неглупа, возможно, нам удастся договориться...

– Договориться с тем, кто испортил мне лучшее сожжение этого сезона?!

– Я тебя спас, – парировал он. И, видимо осознав до конца смысл моей фразы, недоуменно приподнял бровь. – Как лучшее? А были еще?

– Конечно! Сегодняшнее стало бы третьим! К тому же ты лишил меня золотого!

– Так дело в деньгах... Скажи, сколько ты хочешь за ответы на мои вопросы, и я заплачу.

Входная дверь снова хлопнула, впуская в таверну смуглого.

– Эр, я там закончил. Кого раскатал, кого по веткам развесил. Самые сообразительные сами разбежались... – раздалось с порога. Брюнет замолчал и присвистнул. – Пока я порядок наводил, ты, гляжу, тут зря времени не терял. Уже познакомился с рыжей милашкой!

Лунный на мгновение отвлекся, я тут же этим воспользовалась.

– Три медьки за разгов... прием, – выпалила я, юркнула у него под рукой и, не оборачиваясь, крикнула: – Не забудь занять очередь! Последний дом в Топяном переулке. А сейчас я очень спешу.

– Ого, уже и свидание, – хохотнул смуглый, впрочем, не пытаюсь заступить мне дорогу.

– Джер, заткнись!

Лунный сказал вроде бы всего два слова, но сразу повеяло ночной романтикой кладбища. Когда ты лежишь, а над тобой звезды... Правда, созерцать их слегка мешает пара локтей земли и могильная плита с твоим именем. В общем, Эрриан умел, как выяснилось, предостеречь.

Я вылетела из таверны как затычка из бочки. Вслед донеслось:

– Три медьки? Seriously? Это за ночь любви или за один поцелуй? – Брюнету явно было плевать на все предостережения. – Эр, тебе не кажется подозрительно дешевой цена за подобного рода услуги. Еще и какая-то очередь. Конечно, в столице нравы вольные, и спальню лэриссы за ночь могут посетить сразу несколько любовников, но здесь... И три медьки!

Судя по всему, озвученная мной цена нанесла непоправимый урон психике смуглого. Я не смогла удержаться от злорадной улыбки. Если при слове «прием» на ум темным приходил лишь бордель – это их проблемы. Хеллвиль – городок строгих правил, и приемы у меня были исключительно лекарского плана.

Кстати, именно образ темной ведьмы, придуманный мною сразу по приезде сюда, здорово выручал: ко мне шли только в крайних случаях. Я всегда могла отговориться тем, что лечу без магии, потому как темная и мой дар –

разрушение. Я вправляла вывихи без обезболивающих заклинаний, на которые ныне моего резерва не хватало. Чихотку исцеляла зельями, а не пассами, а запор – вернейшим немагическим средством: испугом. Правда, после такого у пациента могли появиться заикание и нервный тик. Зато лишней раз с ерундой ко мне не совались. Все же темная ведьма – это вам не светлый целитель, который, по мнению местных, должен был и занозы магией вытаскивать.

А как еще может отработать практику маг, у которого почти нет дара?

Выбор у меня был невелик: либо три года по распределению, либо вернуть в казну средства за пять лет моего обучения в академии. Денег у меня не было, как и желания оказаться в долговой яме. Поэтому я заключила договор с местным бургомистром и храмовником: они закрывают глаза на то, что присланная на отработку практики магесса слегка сменила масть (главное, лечу же!), зато рапортуют начальству о выполненных планах по борьбе с темными силами. И все довольны.

Так что лунного с его другом-брюнетом я не обманула: чтобы поговорить о своих проблемах со штатным магом Хеллвиля, приезжим нужно было заплатить три медьки. Для местных она возможность была бесплатной.

Вот только чую, что сегодня очередь у моего порога будет немаленькой: этот Джером здорово помял многих горожан. А значит, чьи-то бордельные ожидания не совпадут с суровой целительской реальностью.

Я быстро шла к своему дому и размышляла. Мне при распределении беззастенчиво наврали, что Хеллвиль – территория светлых. А со слов Эйты выходило, что граница между Светлыми и Темными землями тянулась по горной гряде. Вот только если на юге высились пики, то на севере... В общем, подкачали горы на севере. Сильно так. Настолько, что это были не скалы, а болотные топи. Темные объявили их своими, но как-то без особого рвения. Если зимой болота еще подмерзали, то летом от них была «прибыль» в виде лихорадки, гнуса и нечисти, которая в короткое северное лето желала не только жить, но и любить. Точнее, размножаться и кормить детенышей чем посытнее. Например, людьми. Посему в сами топи больно-то не совались.

Но несколько веков назад Аврингрос Второй решил для поднятия своего имиджа устроить маленькую победоносную войну. И не придумал ничего умнее, чем

оттяпать у темного соседа клочок земли. Только с этим вышла небольшая заминка: через пики Серебряного хребта тащить армию было несподручно. И взгляд правителя пал на топи.

К слову, сражение не состоялось: несколько тысяч солдат просто засосало в трясины. Армия так и не нашла ни одного темного. Это была самая провальная (причем провальная во всех смыслах этого слова) военная кампания за всю историю Светлой империи. Но Аврингрос Второй решил, что раз его солдаты были «растрочены», а темные не удосужились принять бой, то территория теперь принадлежит Светлой империи. И повелел в тех краях построить приграничную крепость.

Место для нее выбрали сухое, но все же окруженное топями, чтобы неприятель просто так не подошел, а гарнизон светлых – не сбежал. Шло время. Болота начали отступать, крепость – превращаться в городок, рядом с которым даже какое-то время жил отшельник. Именно ему Хеллвиль обязан и своим храмом, и яркой приверженностью горожан к светлому пантеону. В общем, город рос, исправно платил налоги в имперскую казну, не подозревая, что это Темные земли.

Как-то в особо студеную зиму, когда промерзли даже самые глубокие бочаги, Хеллвиль попыталось атаковать племя северных кочевников. Но тоже не дошло. Правда, не утпло, а замерзло. А кто не замерз, теми подзакусили оголодавшие грызни, вурдалаки и прочая нечисть. И кочевники тоже посчитали эти гиблые места своими.

Выходит, Хеллвиль стоит почти в середине тех приснопамятных топей, которые тут были несколько столетий назад. Так что... Господа столичные историки и картографы ввали, утверждая, что Хеллвиль – вотчина исключительно светлых.

Зубы лязгнули как-то особенно отчетливо, я посильнее обхватила плечи руками и прибавила шаг. Теперь я почти бежала по улицам Хеллвиля, негромко матерясь. Со стороны можно было подумать, что я или читаю изощренное смертельное проклятие, или зазываю демона на рюмку самогона.

Поэтому редкие прохожие осеняли себя знаменами двуединого и сворачивали в карманах кукиши. Откуда я знала, что именно фиги? Ну так ткань весьма характерно оттопыривалась. К тому же за пару месяцев, что обреталась в этом

городке, я узнала много нового и интересного о магах в целом и темных ведьмах в частности.

Например, местные думали, что у ведьмы есть хвост. Именно им она обвивает черенок, когда голышом летает на метелке и творит волшбу. А днем прячет хвост под юбкой.

Самые отчаянные даже пытались лично убедиться в том, что у меня, как и у всякой приличной ведьмы, он есть. Ради этого они как-то разжились стремянкой и полезли подглядывать в мое окно на втором этаже. Подглядели, ага. Узрели меня в издавшей вида фланелевой ночной сорочке, шерстяных носках, чепце и с маской из огурцов. Любопытные почему-то заорали и дружной троицей грохнулись в кусты шиповника.

Я выглянула из окна и поинтересовалась, что господам надо в столь поздний час: проклятия или сразу сдохнуть? Господа шустро выкатились из кустов, оставляя на шипах выдранные из штанов клочья ткани, и рванули прочь: двое молча хромали на обе ноги, третий почему-то орал, что я сама себя жру. А я всего лишь хрупала колесиком огурца, который отодрала ото лба.

– Мужик, я же ведьма, а не зомби! – крикнула я вслед.

– Значит, ты неправильная ведьма! – взвизгнуло из темноты.

С тех пор за мной закрепилось почетное звание неправильной ведьмы. Зато ночные гости больше не посещали. Даже воры. Чтобы не быть «случайно сожранными».

Добравшись до дома, я переоделась, разожгла в печи огонь, достала склянки с эликсирами, приготовила бинты и села ждать.

Не прошло и четверти удара колокола, как подтянулись первые страждущие, а вместе с ними и бездна тьма их суеверий.

Например, посетители моей лавки все как один косили глазом. По поверью, прямо на ведьму смотреть нельзя – сглазит. От многих клиентов разило чесноком так, что дышать было нечем. Едкие эфиры, коих я нанюхалась в свою

бытность у адептов-алхимиков, казались мне цветочным ароматом по сравнению с этой газовой атакой. Таким амбре можно было не только отпугнуть вампира, а вообще передуть все живое в радиусе нескольких полетов стрелы. Да будь я даже дочерью ночи, ни за что не стала бы кусать их не мытые по несколько седмиц шеи!

А еще ко мне приходили в одежде, надетой задом наперед. Не всей, но обязательно что-нибудь да имелось: платье, жилет, рубаша, юбка. Однажды пришла тетка, умудрившаяся обуть задом наперед туфли. Зрелище было не для слабонервных. Я весь прием кашляла, пытаюсь скрыть смех.

Сегодня первым в дверь постучался могучий детина с перебитой рукой, стойким сивушным запахом и ультимативным требованием проклясть пришлого сивого хмыря. Руку я запечатала в лубок, дала настоя, чтобы кость быстрее срослась, а за проклятие потребовала пять медек, как за «услугу, не входящую в перечень обязательного магического обслуживания».

Меня обозвали ведьмой, но деньги выдали. Я пообещала организовать пришлому несварение.

- А почему не убить? - хмуро буркнул детина.

- Убийство стоит золотой, - невозмутимо произнесла я.

- Ну, ты же ведьма.... - протянул он. - Чего тебе стоит грохнуть его по-тихому, а мы скажем, что так оно и было. Всем городом подтвердим!

- Могу упокоить вас. Бесплатно, - с елейной улыбкой сообщила я.

Детину как ветром сдуло. Жаль, его сивушный запах, от которого свербело в носу, и чесались глаза, никуда не делся. Не выдержав, я распахнула окно: плевать на холод. И тут увидела, как мой пациент с перебинтованной рукой на ходу возмущенно причитает:

- Пять медек содрала, зараза! Пять медек!

Так увлекся, что едва не врезался в грудь того самого «сивого», которого только что мне «заказал».

– Куда прешь... – рявкнул детина. – Да я тебе...

Похоже, сегодня мне придется собирать и вторую его руку. Будет у него парный комплект.

Но все же в последний момент детина осознал, кому, собственно, он адресовал свою пламенную речь, и тут же побелел как полотно.

– Ваша светлость... Ой, простите, ваша темнота, – залепетал он. – Я не хотел, я нечаянно... я... меня ведьма попутала! Во!

Та-а-ак. Еще пара мгновений, и этот паршивец во всеуслышание заявит о том, что я должна навести на пришлого порчу.

– Я смотрю, одного калеку тут исправить уже нельзя, но испортить окончательно еще можно... – выразительно крикнула я, высунувшись из окна чуть ли не наполовину.

Детина моментально захлопнул рот и затравленно заозирался, мечтая провалиться сквозь землю. Но увы... Она под его гренадерскими сапогами была не просто твердой, но и прихваченной морозцем.

– И как она вас, уважаемый, попутала? – Рядом с лунным нарисовался брюнет.

«Уважаемый» выпучил глаза, оглянулся на меня и увидел свою смерть. Долгую и мучительную. Именно ее обещал мой взгляд. В итоге тонкая душевная организация детинушки не выдержала, и он рухнул в обморок под удивленными взглядами пришлых, которые замерли на месте.

В этот момент из-за угла, кряхтя и охая, выползла закутанная в шаль госпожа Лонох. Сея почтенная матрона гоняла домочадцев за отцом Панфием по семь раз на дню, заявляя, что ей нужен духовник, дабы исповедаться перед смертью. Дескать, так она плоха. Узрев картину «темные супостаты – первые в очереди на лечение», помирающая старушка встрепенулась, сунула клюку под мышку и

припустила во всю прыть. Стремительно преодолела обледенелую мостовую, ловко оттеснила Эрриана с его дружкой в сторону и со словами: «Милок, ну-ка, пропусти бабулю, у меня назначено», – перешагнула через обморочного детинушку и кошкой шмыгнула крыльцо.

Похоже, ее внукам и правнукам еще долго ждать наследства.

– ВАМ назначено? – ошалело завертел головой... этот, как его, Джером.

Ответом ему стала захлопнувшаяся дверь.

Я крикнула из окна:

– Будьте любезны, оттащите этого припадочного к лавке гробовщика!

Видя изумление на лице смуглого, пояснила:

– Да-да, к лавке гробовщика, на противоположную сторону улицы. А то его тут скоро затопчут.

И ведь как в воду глядела. Не успел лунный со своим дружкой отволочь детину и вернуться обратно, как у моей калитки уже была очередь. Внушительная. Переругивающаяся и не желавшая пропускать никого не то чтобы «я только спросить», но и даже «мне лишь на пороге потоптаться».

Темные вставать в ее хвост не стали. Плюнули и ушли. Видимо, решили, что «важный разговор» неудобно вести, когда на дверь с той стороны напирает толпа, жаждущая исцеления. А ведь человека, решившего выздороветь, даже смерть порой остановить бессильна, не то что двое пришлых.

Куда эта лунно-смуглая парочка направилась, я узнала через пару часов от одного из пациентов. Оказалось, что, пока я принимала пожеванных смерчем горожан, приезжие озаботились своими апартаментами. Если проще – потеснили бургомистра в его собственном доме. Ну как потеснили... В трехэтажном особняке с появлением в оном темных почему-то стало ужасно мало места, и господин Томонир, как радушный хозяин, уступил дом весь. Сам же предпочел эвакуироваться вместе со всей семьей и частью прислуги: той челядью, которая

не успела удрать при виде новых господ.

С наступлением ночи я отпустила последнего пациента и заперла дверь на засов. На моем столе лежала немаленькая горка меди на «проклясть темных». М-да... Если так и дальше пойдет, то я вполне отобью золотой за последнее, так и не случившееся сожжение. Я подбросила в печь дров, вымыла руки и уже было помечтала, что сяду ужинать, как из-за спины донеслось:

- Наконец-то они закончились...

Медленно повернулась на каблуках. Посреди лавки стоял лунный. Один.

Как он сюда попал?! Взгляд метнулся к окну. Так и есть. Прикрыто. Но не заперто. Демон раздери, забыла!

- Теперь-то мы можем спокойно поговорить, Магда Фокс, выпускница Северной Вейхонской академии магии.

Всего несколько слов. Но они подействовали на меня почище любого заклинания стазиса. Я поняла: не убежать, не отшутиться. Только договариваться. Впрочем, всегда был вариант убить, но что-то мне подсказывало, что в случае с темным сделать это будет ой как непросто. И как только он успел столь быстро все разузнать? Безднов темный!

Я смерила лунного взглядом, подробно так, обстоятельно, словно мерку снимала. На саван. И удостоилась аналогичного безмолвного ответа.

Лунный сделал шаг по обычно скрипучему полу. И вот удивительно, ни одна предательница-половица под ним не запела. Тем звонче в оглушительной тишине были три удара меди о медь: пришлый отщелкал монеты. По одной, точно попав в центр кучки на «проклясть темных».

- Не туда складываете, - машинально отметила я.

- Да? Почему же? - Он вскинул бровь.

Признаваться или нет? Я отвернулась. Взгляд пробежался по стеллажу, с которого я протерла пыль как раз сегодня. Его полки были когда-то сколочены из добротных дубовых досок. Но со временем дерево рассохлось и побурело. Тут стояли склянки с зельями, баночки с притираниями, настои, порошки, лежали простенькие амулеты и пучки трав. Трав было меньше, чем хотелось бы: приехав на исходе лета, я не успела их как следует запастись. Там же обреталась и заговоренная от воров и порчи резная шкатулка – мой личный гномий банк с двумя золотыми на счете.

Я взяла ее в руки и задумчиво побарабанила пальцами по крышке. Так все же признаваться или нет? Но раз уж лунный за какую-то пару ударов колокола узнал мою главную местную тайну, то и про сборы на «проклясть темных» ему тоже будет известно в ближайшее время.

– Горожане скинулись, чтобы я навела на вас порчу, – вздохнула я, быстро сгребая монеты в шкатулку.

И три медьки, столь презрительно брошенные лунным в общую кучу, я тоже отправила в свой «банк».

Незванный гость ничего не сказал, однако взгляд его стал еще более выразительным.

– И даже не поинтересуетесь, какой скорбной участи вам так желают горожане?

– Самое оскорбительное я уже узнал – цену за мою жизнь. Горкой меди Меч Владыки еще ни разу не оценивали.

– И какова же ваша истинная стоимость? – любопытствовала я, ставя шкатулку на полку.

– Вообще-то, задавать вопросы здесь должен я. – Лунный поджал губы, бурвя меня взглядом.

Тяжелым, словно молот кузнеца. Таким и убить вполне себе можно, особенно если доведом к нему идет магический хук. И только тут я заметила, что из-под края рукава его кожаной куртки виднеется браслет. Этот скупой блеск я узнала

бы из тысячи. Гарлий – металл, что поглощает магию. Именно из-за него тысячелетие назад разразилась война между темными и светлыми. Он ценился гораздо выше золота, но для магов был не наградой, а кандалами, что запирали дар. И судя по тому, сколь массивными были браслеты на лунном, – немалый дар.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Объединение чародеев, во главе которого двенадцать сильнейших архимагов.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/nadezhda-mamaeva/ty-zhe-ved-ma>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)